

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ КЛАДБИЩ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

**Александр Владимирович
Соколов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Аннотация. Целью статьи является анализ особенностей захоронений старообрядцев Тульского края. Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач. Первая задача – изучение правовой рамки. Вывод о регуляции погребального процесса старообрядцев по итогу изучения нормативно-правовой базы таков: ни о какой системе захоронения в XIX веке речи не было. Существовал комплекс норм, не образующих цельную систему. Вторая задача – выявление значения кладбищ для старообрядцев в сравнении с иной религиозной инфраструктурой. Автор приходит к выводу о том, что кладбища как религиозно-инфраструктурная единица были в большей степени защищены от преследования со стороны властей в сравнении с молитвенными комнатами и домами, часовнями и храмами. Третья задача – установление отношения местной власти к старообрядческим захоронениям. Можно говорить о том, что представители светской власти были настроены индифферентно к старообрядческим захоронениям, их интересовало в большей степени соблюдение санитарных норм. Представители духовной власти, напротив, относились к старообрядческим захоронениям с опаской, видя в них инструмент «пропаганды раскола». Четвертая задача – выявление форм создания старообрядческих кладбищ. На основе имеющихся источников можно говорить о том, что легальные кладбища создавались в разрешительном порядке, однако в отдельных случаях допускалась явочная форма. Однако существовали и нелегальные захоронения, представленные либо самовольными погребениями, либо в виде организации целых кладбищ. Пятая задача – установить количество мест для захоронения старообрядцев. На основе имеющихся источников мы можем говорить лишь о том, что мест для захоронений, представленных в 15 населенных пунктах, было не меньше 17.

Ключевые слова: кладбища, захоронения, погосты, старообрядцы, Тульский край, светская власть, духовная власть, инфраструктура.

Для цитирования: Соколов А. В. Проблема организации старообрядческих кладбищ в Тульском крае в XVIII – начале XX вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14). С. 6–19. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-6-19>

Сведения об авторе: А. В. Соколов – аспирант, ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94 (470.312:291.68:718)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-6-19>

THE PROBLEM OF THE ORGANIZATION OF OLD BELIEVERS CEMETERIES IN THE TULA REGION IN THE 18th – EARLY 20th CENTURIES

Alexander V. Sokolov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the features of the burials of the Old Believers of the Tula region. To achieve this goal, it was necessary to undertake a number of tasks. The first task is to study the legal framework. The conclusion about the regulation of the funeral process of Old Believers as a result of studying the regulatory framework is as follows: there was no question of any burial system in the 19th century. The second task is to determine the significance of the cemetery for Old Believers in comparison with other religious infrastructure. The author concludes that cemeteries, as a religious and infrastructural unit, were more protected from persecution by the authorities, compared with prayer rooms and houses, chapels and temples. The third task is to establish the attitude of local authorities to Old Believers' burials. It can be said that the representatives of the secular authorities were indifferent to the Old Believers' burials, they were more interested in compliance with sanitary standards. Representatives of the spiritual authorities, on the contrary, treated the Old Believers' burials with caution, seeing them as "division propaganda" tool. The fourth task is to identify the forms of creation of Old Believer cemeteries. Based on available sources, it can be said that legal cemeteries were created in a permissive manner, but in some cases a turnout form was allowed. However, there were also illegal burials, represented either by unauthorized burials, or in the form of the organization of entire cemeteries. The fifth task is to establish the number of burial sites for Old Believers. Based on the available sources, we can only say that there were at least 17 burial sites represented in 15 settlements.

Keywords: cemeteries, burials, churchyards, Old Believers, Tula Region, secular power, spiritual power, infrastructure.

For citation: Sokolov, AV 2023, 'The Problem of the Organization of Old Believers Cemeteries in the Tula Region in the 18th – early 20th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (14), pp. 6–19, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-6-19> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander V. Sokolov – Postgraduate Student, Assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

В христианской картине мира смерть – это не конец, а начало нового и вечного. Вопрос о судьбе тела покойного здесь не стоял, во всяком случае до недавнего времени: оно должно быть сохранено до момента Страшного Суда. Именно поэтому кладбища имели огромное значение для христианской инфраструктуры. Отметим, что кладбища вне контекста «места скорби» и погребения практически не затрагивались. В этом отношении мы согласны с С. В. Моховым, который определяет кладбища как «не только приватное пространство скорби, но и публичное место, способное выполнять разные функции» [26, с. 249].

Отметим, что специальных работ, затрагивающих старообрядческие кладбища, не так много [2; 26; 34]. Гораздо больше исследований затрагивают историю старообрядчества в принципе [1; 4; 23; 24; 28; 31].

В рамках данного исследования мы рассмотрим особенности организации старообрядческих погребений Тульского края. Для решения поставленной проблемы нам необходимо ответить на комплекс вопросов. Как законодательно регулировались погребения староверов? Какое место занимали кладбища среди иной старообрядческой религиозной инфраструктуры? Как местная власть относилась к старообрядческим захоронениям? Как создавались старообрядческие кладбища? Каково количество старообрядческих мест для захоронения в Тульском крае?

Материалы и методы

Работа строится на архивных и опубликованных материалах. В статье впервые вводятся в научный оборот ранее неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в государственном учреждении «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Поскольку в нашем распоряжении находятся исключительно источники, возникшие в ходе государственного контроля и регулирования старообрядческой религиозной жизни, то, разумеется, они односторонне рассматривают феномен старообрядческих захоронений. Отметим, что в ряде источников упоминаются *раскольники*, но не *старообрядцы*. Фиксируя на тульском материале обособленную смертную культуру только у староверов, мы склонны отождествлять кладбища раскольников исключительно со старообрядцами.

Работа построена на принципах историзма, объективности, целостности, использует антропологический и региональный подходы. Среди методов, применяемых для написания данной работы, отдельно хочется выделить структурно-функциональный [35, с. 21–22, 149–151, 237, 429–431, 472–473, 527–528].

Результаты

В Российской империи кладбища в массе своей управлялись местными религиозными или национальными общинами. Наибольшая их часть не была благоустроена, что в первую очередь диктовалось ожиданием скорого конца света, а также слабо развитой коммеморативно-смертной традицией [27, с. 57–58]. В этих условиях захоронения достаточно быстро исчезали [27, с. 58]. Так один тульский чиновник в 1842 г. характеризовал местные захоронения: «Сельские кладбища представляют собой иногда вид самого жалкого небрежения: нередко от нахождения среди наших селений и, будучи открыты со всех сторон без всякой огородки, служат [пастбищем] для бродячего скота, который растаптывает и обрывает могилы» [15, л. 1 об.].

Религиозные послабления, начатые Петром III и продолженные Екатериной II, привели к возникновению легальных старообрядческих захоронений [3, с. 397, 405]. Вехой же в обретении кладбищами особого социального статуса в глазах староверов стала трагедия 1770 – 1772 гг., когда во время эпидемии чумы с согласия императрицы возникло два крупнейших центра старообрядчества: Преображенское и Рогожское кладбища [23, с. 430–436; 38].

В отличие от кладбищ иные инфраструктурные единицы не были столь же защищены и стабильны. Под иными мы подразумеваем молитвенные комнаты, молитвенные дома, часовни и храмы.

Несмотря на то что молитвенные дома и комнаты были в значительной мере сокрыты от глаз контролирующих органов, они обладали одним крупным изъяном: идентифицировались с конкретным человеком. В условиях напряжённых отношений с властью – светской и духовной – такие инфраструктурные объекты были небезопасны для владельцев здания. Ситуация начала меняться в лучшую сторону во второй половине XIX в., в первую очередь в связи с либерализацией религиозной жизни [22].

Часовни были в меньшей степени отождествляемы с конкретным человеком, но в большей степени заметны, а, следовательно, власти чаще обращали на них внимание. Стоит отметить, что на протяжении почти всего XVIII в. государство пыталось ликвидировать часовни как явление, в том числе и в господствующей церкви [30, с. 52–53]. В отношении старообрядческих часовен издавались дополнительные запреты: например, в 1778 г. было запрещено строительство [37, с. 26], а с 17 сентября 1826 г. был введен запрет на их ремонт. Этот же указ повторялся 13 мая 1836 г. [20, л. 1] Так, в результате запрета на ремонт исчезла старообрядческая часовня в г. Белев [18, л. 6 об.].

Старообрядческие храмы имели те же проблемы, что и часовни. Более того, само строительство полноценного храма было крайне дорогим. Не удивительно, что храмы возникали лишь в крупных старообрядческих центрах по типу Иргиза и Рогожской обители [28, с. 39]. Тульский же край к таковым не относился.

Между тем, старообрядческие кладбища не были напрямую запрещены и не идентифицировались с конкретными людьми [цит. по: 24, с. 117]. Более того, крупные легальные старообрядческие захоронения по типу Рогожского кладбища включали в себя и иные инфраструктурные элементы, выстроенные вокруг некрополя: часовню, богадельню и ряд других. Таким образом, кладбища могли становиться инфраструктурообразующим пространством. Не удивительно, что кладбища стали играть ключевую роль в социальной и религиозной жизни староверов [цит. по: 24, с. 117].

Самый ранний документ, в котором упоминается захоронение *раскольника* на территории Тульского края, относится к 1770 г. Дело было пущено в оборот после того, как тульское духовенство узнало о погребении купцом Леонтием Григорьевым своего отца-старообрядца, крестьянина Григория Прокофьева, причем с предварительного согласия городского магистрата [9, л. 1]. Несмотря на то что данное дело является самым ранним, центральной становится не проблема старообрядческих захоронений вообще. Представителей духовной власти на тот момент больше беспокоила «прокаженность» покойного – иными словами, возможные санитарные нарушения при захоронении [9, л. 3–5]. Напомним, что 1770 – 1772 гг. связаны со вспышкой эпидемии чумы. Ещё один фактор, который является центральным в этом деле, заключается в том, что захоронение не было произвольным: предварительно купец Леонтий Григорьев получил разрешение на погребение отца у городского магистрата, что вызывало недовольство уже со стороны духовенства, так как с их точки зрения это вредило позициям церкви [9, л. 3–5]. Традиционно именно церковь позволяла или запрещала захоранивать *раскольников*. К сожалению, в этом деле не отображается, каким образом Леонтий Григорьев получил это позволение.

Первое же упоминание староверческого кладбища относится к 18 июля 1772 г. [8, л. 17–18]. Дело в том, что местные власти просили отвести за Тулу кладбище для захоронений в связи с бушующей эпидемией чумы. Причем их должно было быть два: близлежащее для скончавшихся «обыкновенной смертью» и отдаленное для умерших от «заразной болезни» [8, л. 9–14]. При этом первое должно было включать в

себя «раскольничье» кладбище, которое уже существовало какое-то время и было обнесено земляным валом [8, л. 17], а значит, в некотором смысле было оформленным. Непонятно происхождение этого кладбища, однако духовная власть о нём знала. В тульском духовном правлении опасались сохранения «раскольничьего кладбища» в составе православного, так как оно, по их мнению, могло оказать прозелитский эффект на обычных прихожан. Именно поэтому в правлении выступили за уничтожение этого погоста и создание нового в отдалённом от православных месте, с чем согласилась светская власть [8, л. 18, 21].

Данный кейс может послужить основой для следующей гипотезы: скрытность старообрядческих захоронений была обусловлена в том числе стремлением духовной власти сделать «раскольничьи кладбища» удаленными от глаз ортодоксально православных [34]. Удаленность порождала меньшую контролируемость того, что в принципе происходило на их кладбищах. Наибольшей проблемой в этом смысле становилась практика контроля самовольного захоронения староверов [25, с. 37–38]. Исходя из этого кейса, мы можем говорить, что само духовенство второй четверти XVIII в. порождало установку, состоящую в том, что старообрядческие кладбища не могли быть инкорпорированы с приходскими, а, следовательно, это провоцировало понимание своей особой старообрядческой инаковости и восприятия никонианина как *другого* в ретроспективном ключе. В дальнейшем власти предпринимали несущественные попытки ограничить количество старообрядческих некрополей: так, с 3 ноября 1838 г. было запрещено отводить новые кладбища беспоповцам – теперь их должны были захоранивать на старых погостах либо на специально отведенных участках «православных кладбищ» [25, с. 245–246]. Можно говорить о том, что данная норма плохо исполнялась и была недоработанной с точки зрения властей, об этом говорит её дублирование в несколько измененной форме практически через год 14 декабря 1839 г. [21, л. 1–2].

В эпоху Николая I, несмотря на комплекс репрессивных мер по отношению к староверам [23, с. 437–455], власти сохраняли за старообрядцами возможность захоранивать своих единоверцев на «специально отведенных кладбищах». Так, после разбирательства по поводу того, что одоевский городничий Иван Михайлович препятствует захоронению старообрядцев на их кладбище [16, л. 1], 5 августа 1838 г. был издан императорский указ, запрещающий «чинить препятствия» старообрядцам при погребении ими своих единоверцев на «особых» кладбищах [16, л. 207]. Решение вопроса на столь высоком уровне объясняется тем, что местные старообрядцы представляли из себя людей от местной городской думы и купцов [16, л. 20–25, 208–209], фактически это был конфликт представителей локальной элиты, который не могли решить губернские власти. Однако до ограничений николаевской эпохи власти, видимо, были не против предоставить участок земли для старообрядческого погребения.

Так, в 1823 г. старообрядцы с. Липиц получили разрешение на организацию своего кладбища [11, л. 26]. В 1826 г. оружейники-поморцы просили отвести им новое место под кладбище на Чулковой слободе, так как старое было изъято под постройку жилых домов [11, л. 1]. Остается непонятным, был ли запрос удовлетворён, однако если учесть, что в определенный момент на территории Чулковой слободы возникает поморское кладбище [12, л. 384 об.], то мы можем говорить о том, что оно было либо позволено напрямую, либо с молчаливого согласия властей. Сложно обозначить конкретный момент времени, когда местные власти начали позволять староверам организовывать свои захоронения, какого-либо регламента или предписания не было. По всей видимости, вопрос об организации кладбища решался в разрешительном порядке.

Начавшаяся во второй половине XIX в. либерализация привела к тому, что старообрядцы меньше скрывали свои религиозно-социальные нужды, в том числе в отношении мест для захоронения. Так, в 1880 г. «крестьяне-раскольники» села Барыково просили разрешения на получение земли под погост, что интересно, «будто бы на основании существующих законов» [12, л. 384]. Необходимость отвода кладбища они мотивировали тем, что старообрядца, умершего в начале 1880 г., пришлось везти хоронить в Тулу на старообрядческое кладбище [12, л. 1 об., 4], а значит, достаточно отдаленно от родственников, которым трудно было посещать могилу.

Надо сказать, что барыковские староверы так и не получили кладбище, ведь официально их было всего трое, хотя отмечалось, что в действительности число старообрядцев в селе было гораздо больше [12, л. 6, 7 об.]. Более того, староверы фактически поставили в неудобное положение сами себя, и над ними был установлен «особый» контроль со стороны местного священника [12, л. 13]. Также отмечалось, что прихожане местной церкви выступили против отвода особого старообрядческого кладбища [12, л. 1 об.].

Другим следствием либерализации стало появление толерантного отношения к нарушению отдельных норм закона. Уже в 1890 г. губернатор пишет епископу о том, что старообрядческое кладбище г. Одоев находится ближе к жилым домам, чем положено по закону, но «обнесено сплошной каменной стеною в 4 аршина вышиной и в санитарном отношении не может причинять вреда населению» [10, л. 1].

Отметим, что отдельные представители духовенства выступали против открытия новых старообрядческих мест для захоронения. Так, священник с. Волынцево Михаил Татевский в 1869 г., опасаясь «пропаганды раскола», выступал против отвода части приходского кладбища для старообрядческих погребений [14, л. 15, 26]. Несмотря на противодействие местного священника, особое захоронение все же было создано, причем по прямому указу губернатора, хоть и отдельно от приходского кладбища, в виде самостоятельного погоста [14, л. 10, 33, 38; 12, л. 157–158].

По всей видимости, главной причиной создания этого кладбища стал вопрос санитарии. В своем прошении старообрядцы указывали, что в условиях отсутствия поблизости особого места под погребения тела оставались без «придания земли» дольше семи дней, они отмечали, что особые проблемы это вызывало в летний сезон [14, л. 2]. Таким образом, мы можем говорить о том, что светская власть второй половины XIX в. воспринимала возможные эпидемиологические проблемы как источник больших неприятностей в сравнении с вероятным количественным ростом старообрядцев.

К концу XIX – началу XX в. отдельные старообрядческие общины стали открыто просить увеличения участка земли под кладбище. Так поступали старообрядцы г. Тулы, причем две крупные общины поповцев и беспоповцев [5, л. 1 об., 9, 12; 7, л. 1, 6; 6, л. 1–20]. Скорее всего, такие практики были нечастыми, старообрядческие общины Тульской губернии за пределами г. Тула, по всей видимости, просто де факто занимали землю под погребение своего единоверца, тем самым расширяя своё кладбище по мере необходимости, а не из соображений приобретения земли на годы вперед.

Стоит сказать, что не все кладбища организовывались в разрешительном порядке, были и исключения. Так, 29 октября 1868 г. по сути было легитимизировано неофициальное захоронение старообрядцев-беспоповцев федосеевского согласия с. Бунырево [13, л. 6–8], фактически вопрос о допустимости кладбища решился в явочном порядке. Причем сами старообрядцы подали прошение о разрешении иметь им своё кладбище в определенном месте [13, л. 1–2], однако, как указывал буныревский священник, «они давно уже и беспрепятственно пользуются этим участком [для по-

гребения], который испрашивают» [13, л. 7]. Буньревцам позволили иметь своё захоронение уже потому, что указы от 3 ноября 1838 г. и 14 декабря 1839 г. не действовали, во всяком случае, в материалах дела о них не упоминают. Мы полагаем, что это связано с общей либерализацией, в том числе и религиозной жизни эпохи Великих реформ.

Однако не все неофициальные кладбища оставались «незаметны» для властей. Так, в 1839 г. случайно выявили старообрядческое кладбище, когда выбирали место для постройки казарм [17, л. 1]. Кладбище было организовано на земле купца-старообрядца Дениса Сушкина, купленной тем для возведения построек [17, л. 1]. Причем оно функционировало до обнаружения более десяти лет [19, л. 1]. Стоит пояснить, что сам Денис Сушкин относился к старообрядцам-поповцам [33], а значит, указы от 3 ноября 1838 г. и 14 декабря 1839 г. не ограничивали открытие нового захоронения для представителей его согласия [17, л. 2–13]. Так или иначе, властями было решено отвести новое кладбище для старообрядческих захоронений, а это уничтожить.

Причиной ликвидации захоронения стало нарушение 356-й и 358-й статьи Свода законов Российской империи (далее – СЗРИ) Т. 13 [17, л. 3]. Статья 356 предусматривала удаленность кладбища от последнего городского жилья на 100 саженей, а ст. 358 – отведение мест для захоронения иноверцев близ православных погребений [32, с. 631]. Стоит отметить, что норма, легшая в основу 356-й статьи, была принята в 1771 г. как одна из мер по борьбе с эпидемией чумы, иными словами, она являлась санитарной. Другая же норма возникла в 1800 г. и касалась изначально только военнослужащих, придерживающихся «католической, протестантской и реформаторской религии», причем применялась только в случае, если поблизости не было кладбищ конкретной религиозной группы [29, с. 44–45, № 19289]. Однако в СЗРИ эту норму распространили на открытие новых иноверческих кладбищ в принципе, по всей видимости, такое решение было принято для компактного расположения захоронений, в том числе и из санитарных соображений.

Остаются непонятными причины организации неофициального кладбища. Ведь Денис Сушкин смог в начале 1830-х гг. добиться легального положения беглого священника, перешедшего в поповство, – Павла Смирнова. Сам же беглый священник служил в молитвенном доме, который также был известен властям и имел, по сути дела, легальный статус [33]. В этом смысле организация легального захоронения не должна была быть проблемой, особенно если учесть, что власти сами были готовы отвести участок земли. Нельзя говорить и о правовой неграмотности Сушкина, как минимум он точно знал о кейсе Рогожского кладбища, которое имело легальный статус. Мы можем предположить, что он желал иметь старообрядческое захоронение достаточно близко к молитвенному дому – фактически это был такой вариант приходского кладбища, что по закону было невозможно.

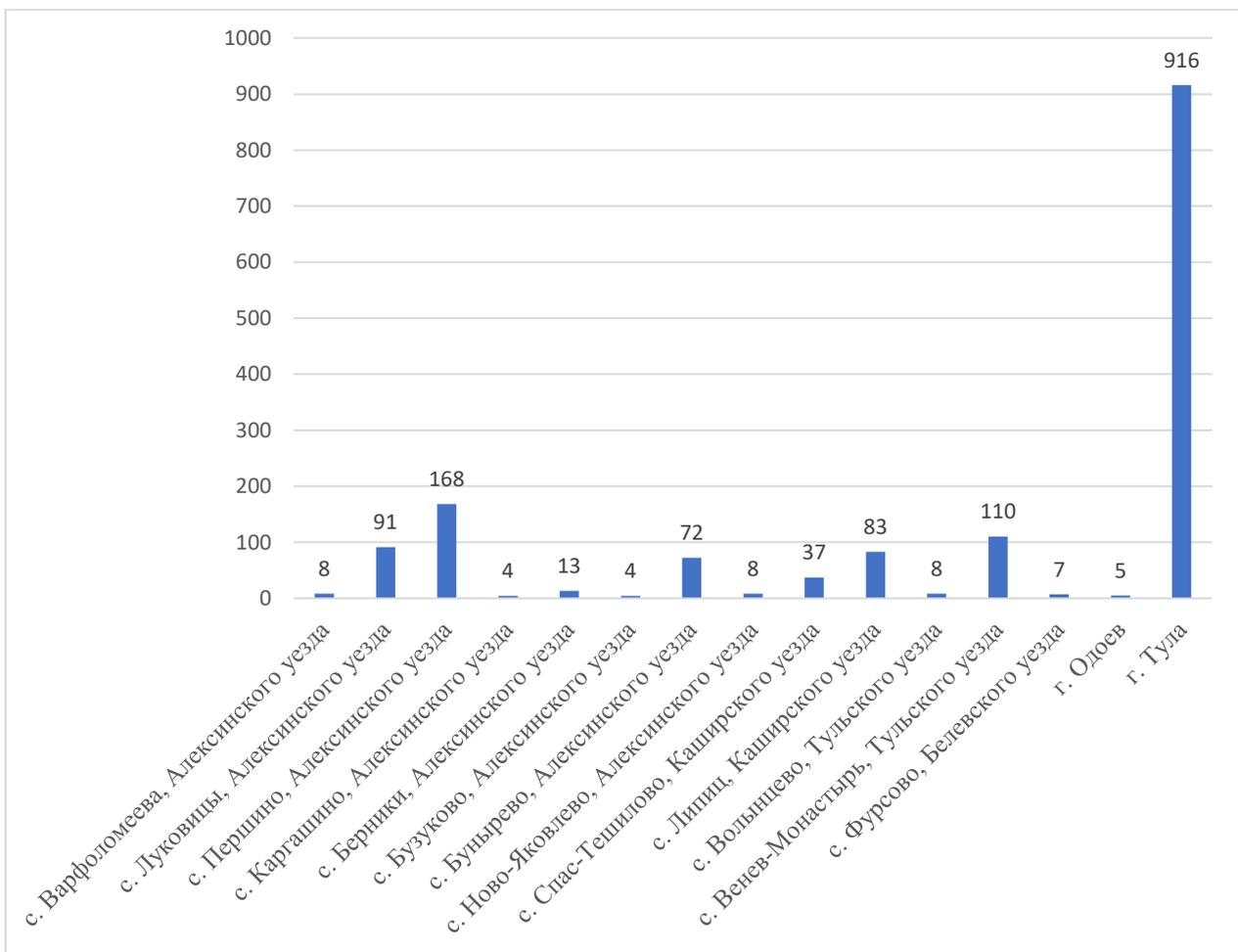
Таким образом, старообрядческое кладбище было закрыто в связи с нарушением санитарных норм того времени, а не из-за организации самовольного захоронения. Сам факт того, что власти решили отвести отдельный участок под старообрядческое кладбище, говорит о том, что они были заинтересованы в принятии такого решения. С одной стороны, решался вопрос санитарии, с другой – появлялась возможность обеспечить контроль над старообрядческим кладбищем. Мы также можем говорить о практике организации неофициальных кладбищ, которые должны были быть незаметны для представителей власти. Сказать же о том, каково их количество и насколько эта практика была распространена, не представляется возможным в принципе, так как становились известными только те захоронения, которые в конечном счете обнаруживали и фиксировали.

Отметим, что в статистике не уделялось достаточно внимания местам старообрядческого захоронения. Тем ценнее для нас «Дело о направлении благочинными

священниками в Тульскую духовную консисторию сведений о раскольниках» за период с 1896 по 1898 гг. Оно представляет собой ответы приходских священников на 12 вопросов, сформулированных миссионерским отделом Тульской и Белевской епархии, при этом шестой вопрос был таким: «Где проходит богомолье раскольников или сектантов? Нет ли у них особых моленных? Нет ли особых кладбищ?» [12, л. 1–2]. Таким образом, мы имеем источник, который отображал известные приходским священникам «раскольничьи» кладбища Тульской губернии (см. диаграмму 1 и таблицу 1).

Диаграмма 1

Количество староверов в сельских приходах и городах, где зафиксированы старообрядческие захоронения на 1896 г. *

* Посчитано и составлено на основе ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 4414. Л. 1–487.

Специфика захоронений в приходах и городах на 1896 г.**

Название сельского прихода или города	Примечание
с. Варфоломеева Алексинского уезда	Поморское кладбище
с. Луковицы Алексинского уезда	Поморское кладбище
с. Першино Алексинского уезда	Поморское кладбище, в д. Берники
с. Каргашино Алексинского уезда	Не указаны представители конкретного согласия, захороненные на «особом кладбище»
с. Берники Алексинского уезда	Старообрядцы неуказанного согласия захораниваются за валом приходского кладбища
с. Бузуково Алексинского уезда	Не указаны представители конкретного согласия, захороненные на «особом кладбище»; на этом же кладбище захоранивали старообрядцы д. Дурнево, с. Чинцово Алексинского уезда
с. Бунырево Алексинского уезда	Федосеевское кладбище
с. Ново-Яковлево Алексинского уезда	Не указаны представители конкретного согласия, захороненные на «особом кладбище»
с. Спас-Тешилово Каширского уезда	Не указаны представители конкретного согласия, захороненные на «особом кладбище», захоронение расположено в сельце Шипилове
с. Липиц Каширского уезда	Два кладбища в д. Селиной: белокриницкого согласия и беспоповцев; на одном из кладбищ захоранивали старообрядцы из с. Тульчино Каширского уезда
с. Волынцево Тульского уезда	Кладбище белокриницкого согласия
с. Венев-Монастырь Тульского уезда	Поморское кладбище
с. Фурсово Белевского уезда	Беспоповцы захораниваются на общехристианском кладбище
г. Одоев	Поповское кладбище
г. Тула	Кладбищ два: поморского и белокриницкого согласия

**Составлено на основе ГУГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 4414. Л. 1-487; ГУГАТО. Ф. 51. Оп. 21. Т 1. Д. 1151.

Опираясь на приведенные данные, мы можем говорить о том, что к началу XX в. на территории Тульской губернии было не менее 17 мест для захоронения старообрядцев, из которых 15 – это кладбища. Отметим, что кладбища встречались и там, где официальная численность староверов была невелика. Всего в деле упоминается 66 населенных пунктов, где проживали старообрядцы, и только в 15 из них упоминаются кладбища [12]. Стоит предположить, что священники могли и не указывать на практику захоронения староверов за валом приходского или на общехристианском кладбище в отличие от священников приходов с. Фурсово и с. Берники. Также стоит сказать о том, что отдельные причты могли умалчивать о некоторых старообрядческих инфраструктурных объектах. Показательным в этом отношении является сообщение приходского священника с. Бузуково, который не указывал, что в его приходе есть

кладбище [12, л. 435], в то же время причт с. Чинцово сообщил, что *раскольники* его прихода захоранивают своих покойных на особом кладбище в д. Дурново, с. Бузуково [12, л. 168]. Подобное расхождение в показаниях объясняется тем, что сроки подачи сведений о расколе были сжаты, и духовные лица не могли договориться между собой. В этом смысле мы склонны доверять сведениям священника с. Чинцово, так как подобная информация не могла бы навредить или принести проблемы какой-либо стороне.

Дискуссия

Представленные выше сведения позволяют говорить о специфике организации старообрядческих погребений в Тульской губернии в сравнении с другими административными единицами Российской империи.

Так, А. В. Савицкий, изучающий старообрядцев Рязанской губернии, опираясь на источники, отмечает наличие изначально общего старообрядческого кладбища. Однако указывает, что позже старообрядцы каждого согласия предпочли иметь своё кладбище [31, с. 119]. Практика единого кладбища для представителей разных согласий подтверждается и С. Н. Абакумовым, изучающим старообрядцев Орловской губернии [1, с. 78]. На тульском материале мы не можем подтвердить или опровергнуть гипотезы об общем староверческом захоронении. Тем не менее мы четко фиксируем со второй половины XIX в. градацию кладбищ по согласиям.

В своей работе С. Н. Абакумов, указывает на кейс поморцев, организующих в каждом населенном пункте, где они проживали, своё кладбище [1, с. 178, 205, 208]. В Тульской губернии мы не встречаем подобного стремления к организации исключительно своего местечкового кладбища в среде какого-то бы то ни было согласия. В том числе и среди поморцев, которые были зафиксированы в 9 населенных пунктах, но их кладбища были установлены только в 5 из них [12, л. 1–487]. Более того, как уже отмечалось, старообрядцы имели практику захоронения на кладбищах в соседних населенных пунктах.

Интересную гипотезу, заключающуюся в том, что изучение распределения мест на кладбище позволяет установить социальную стратификацию общества, выдвинула С. В. Филиппова [36, с. 81]. К сожалению, источники, которыми мы располагаем, не позволяют говорить о том, в чем именно и как выражалась социальная стратификация в захоронениях тульских старообрядцев, и даже о том, была ли такая стратификация в принципе.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, правовое положение кладбищ было стабильнее любой другой старообрядческой инфраструктуры. С одной стороны, они не были отождествляемы с конкретным человеком, с другой – могли оставаться незаметными для властей в течение долгого времени. К тому же старообрядческие кладбища никогда не были запрещаемы. Все это позволяло старообрядческим кладбищам выполнять инфраструктурообразующую функцию.

Во-вторых, сами по себе кладбища создавались в разрешительном порядке, хотя встречались и исключения. Либерализация второй половины XIX в. привела к смягчению правоприменительной практики и в итоге – к более лояльному отношению к старообрядческим захоронениям и путям их возникновения.

В-третьих, светскую власть старообрядческие захоронения интересовали, в первую очередь, с позиции соблюдения санитарных норм, именно они учитывались при принятии решения о допустимости «особых кладбищ» в Тульском крае. Духовная власть была в большей степени настроена негативно к старообрядческим захоронениям, местные причты были обеспокоены возможным прозелитским эффектом кладбищ. Из-за подобных опасений духовные лица зачастую настаивали на специальном

отдалении старообрядческих кладбищ, что уменьшало возможности властей для эффективного контроля за старообрядческими погребениями.

В-четвертых, к концу XIX в. в Тульской губернии было не менее 17 мест для погребения старообрядцев. Они были зафиксированы в 15 из 66 населенных пунктов, где проживали старoverы. Наибольшее количество кладбищ располагалось в Алексинском уезде. Однако следует учитывать, что могли возникать спонтанные захоронения или скрытые кладбища, которые так и не были обнаружены.

Список источников и литературы

1. *Абакумов С. Н.* Эволюция старообрядчества в Орловской губернии в конце XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Абакумов Станислав Николаевич. Орел, 2010. 275 с.
2. *Антипин Н. А., Шестаков А. М.* Инфраструктура челябинских старообрядцев (1905 – 1930 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-chelyabinskih-starobryadtsev-1905-1930-gg> (дата обращения: 24.01.2023).
3. *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга: История распоряжений по расколу. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1863. 667 с.
4. *Гавриленков А. Ф.* Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721-1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция. М.: МГОУ, 2010. 262 с.
5. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 174. Оп. 1. Т. 11. Д. 35500.
6. ГУ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 11. Д. 36725.
7. ГУ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1 Т. 5. Д. 8615.
8. ГУ ГАТО. Ф. 1770. Оп. 2. Т. 1 Д. 201.
9. ГУ ГАТО. Ф. 1770. Оп. 2. Т. 1 Д. 823.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4029.
11. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2484.
12. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 4414.
13. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5495.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5710.
15. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 238.
16. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 21. Т. 1. Д. 1151.
17. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 21. Т. 1. Д. 556.
18. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 29. Д. 17.
19. ГУ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 2. Д. 4594.
20. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Д. 15174.
21. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Д. 15188.
22. *Ершова О. П.* Старообрядчество и власть М.: Уникум-центр, 1999. 203 с.
23. *Зеньковский С. А.* Русское Старообрядчество. В 2 т. / сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Ин-т ДИ-ДИК : Квадрига, 2009. 688 с.
24. *Каменева Е. А.* Петербургские старообрядцы в XVIII - первой половине XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 287 с.
25. *Министерство внутренних дел. Собрание постановлений по части раскола.* СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1875. 764 с.
26. *Мохов С. В.* «Память не в камне живет»: пространство Рогожского кладбища в рассказах его посетителей // Антропологический форум. 2014. № 22 С. 249–266.
27. *Мохов С. В.* Роль материально-технической инфраструктуры в институционализации похоронного дела в современной России : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Мохов Сергей Викторович. М., 2019. 159 с.
28. *Наумлюк А. А.* Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью : монография. Саратов: Научная книга, 2009. 101 с.

29. *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 26: 1800-1801. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. 875 с.
30. *Пулькин М. В.* Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 334 с.
31. *Савинцев В. А.* Старообрядчество Рязанской губернии в контексте государственной конфессиональной политики в середине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Савинцев Вячеслав Александрович. Саранск, 2022. 207 с.
32. *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный*. В 15 т. [Т. 13-14]. Свод уставов благочиния. 2-е изд. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1833.
33. *Соколов А. В.* Павел Тульский – «раскольник» среди раскольников: к вопросу о возникновении тульского старообрядческого согласия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 28–38.
34. *Соколов А. В., Демидов А. В.* О социальном значении старообрядческих некрополей на примере Буныревского Федосеевского кладбища в Алексинском уезде // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 1. С. 9–15.
35. *Теория и методология исторической науки* : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
36. *Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 4. С. 80–96.
37. *Хартулари Д. Ф.* Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб.: Деп. общих дел, 1903. 340 с.
38. *Храневич К. И.* Рогожское кладбище // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. В 86 т. Т. 26а. СПб., 1899. С. 892–893.

References

1. Abakumov, SN 2010, *Evolyutsiya staroobryadchestva v Orlovskoy gubernii v kontse XVIII – nachale XX vv.* (The evolution of the Old Believers in the Orel province in the late 18th – early 20th centuries.), PhD thesis, Orel. (In Russ.)
2. Antipin, NA & Shestakov, AM 2021, 'Infrastruktura chelyabinskikh staroobryadtsev (1905 – 1930 gg)' (Infrastructure of Chelyabinsk Old Believers (1905 – 1930)), *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*, vol. 21, no. 3, pp. 32–39, viewed 24 January 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-chelyabinskikh-staroobryadtsev-1905-1930-gg> (In Russ.)
3. Varadinov, NV 1863, *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. Vos'maya, dopolnitel'naya kniga: Istoriya rasporyazheniy po raskolu* (History of the Ministry of Internal Affairs. 8th, supplementary book: The History of Split Orders.), tip. M-va vnutr. del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Gavrilentsov, AF 2010, *Politika gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy imperii v otnoshenii Pravoslavnoy tserkvi, inoslavnykh konfessiy i avraamicheskikh (nekhristsianskikh) veroispovedaniy v 1721 – 1917 gg.: periodizatsiya, sushchnost' i printsipy, evolyutsiya.* (The policy of the state power of the Russian Empire in relation to the Orthodox Church, non-Orthodox Confessions and Abrahamic (non-Christian) faiths in 1721 – 1917: periodization, essence and principles, evolution), MGOU publ, Moscow. (In Russ.)
5. Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) (State archive of Tula oblast) fund 174 inventory 1 vol. 11 file 35500. (In Russ.)
6. GATO, fund 174, inventory 1, vol. 11, file 36725. (In Russ.)
7. GATO, fund 174, inventory 1, vol. 5, file 8615. (In Russ.)
8. GATO, fund 1770, inventory 2, vol. 1, file 201. (In Russ.)
9. GATO, fund 1770, inventory 2, vol. 1, file 823. (In Russ.)
10. GATO, fund 3, inventory 18, file 4029. (In Russ.)
11. GATO, fund 3, inventory 3, file 2484. (In Russ.)
12. GATO, fund 3, inventory 7, file 4414. (In Russ.)

13. GATO, fund 3, inventory 9, file 5495. (In Russ.)
14. GATO, fund 3, inventory 9, file 5710. (In Russ.)
15. GATO, fund 3, inventory 5, file 238. (In Russ.)
16. GATO, fund 51, inventory 21, vol. 1, file 1151. (In Russ.)
17. GATO, fund 51, inventory 21, vol. 1, file 556. (In Russ.)
18. GATO, fund 51, inventory 29, file 17. (In Russ.)
19. GATO, fund 518, inventory 1, vol. 2, file 4594. (In Russ.)
20. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 20, file 15174. (In Russ.)
21. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 20, file 15188. (In Russ.)
22. Ershova, OP 1999, *Staroobryadchestvo i vlast'* (Old Believers and the government), Unikumtsentr publ, Moscow (In Russ.)
23. Zen'kovskiy, SA 2009, *Russkoye Staroobryadchestvo* (Russia's Old Believers), comp. by G. M. Prokhorov, ed. by V. V. Nekhotina, Kvadriga publ, Moscow. (In Russ.)
24. Kameneva, EA 2013, *Peterburgskiy staroobryadtsy v XVIII - pervoy polovine XIX veka* (Petersburg Old Believers in the 18th – first half of the 19th century), Dmitriy Bulanin publ St. Petersburg. (In Russ.)
25. 'Sobraniye postanovleniy po chasti raskola' (Collection of resolutions on the division) 1875, *Ministerstvo vnutrennikh del* (Ministry of Internal Affairs), tip. M-va vn. del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
26. Mohov, SV 2014, '«Pamyat' ne v kamne zhivet»: prostranstvo Rogozhskogo kladbishcha v rasskazakh yego posetiteley' ("Memory does not live in stone": the space of the Rogozhsky cemetery in the stories of its visitors) *Antropologicheskoy forum* (Anthropological Forum), no. 22, pp. 249-266. (In Russ.)
27. Mokhov, SV 2019, *Rol' material'no-tekhnicheskoy infrastruktury v institutsionalizatsii pokhoronnogo dela v sovremennoy Rossii* (The role of material and technical infrastructure in the institutionalization of funeral business in modern Russia), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
28. Naumlyuk, AA 2009, *Tsentr staroobryadchestva na Irgize: poyavleniye, deyatel'nost', vzaimootnosheniya s vlast'yu*. (The Center of Old Believers on Irgiz: appearance, activity, relations with the authorities), Nauchnaya kniga publ, Saratov (In Russ.)
29. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (The Complete collection of laws of the Russian Empire), 1800-1801, vol. 26, St. Petersburg (In Russ.)
30. Pul'kin, MV 2009, *Pravoslavnyy prikhod i vlast' v seredine XVIII v. - nachale XX v.* (Orthodox parish and power in the middle of the 18th century. - early 20th century), Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
31. Savintsev, VA 2022, *Staroobryadchestvo Ryazanskoy gubernii v kontekste gosudarstvennoy konfessional'noy politiki v seredine XIX – nachale XX v.* (The Old Believers of the Ryazan Province in the context of State Confessional Policy in the Middle of the XIX – early XX century), PhD thesis, Saransk. (In Russ.)
32. 'Svod ustavov blagochiniya' (The Code of statutes of the deanery) 1833, *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii, povelением gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* (The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich), vol. 13-14, Tip. 2 Otd-niya Sobstv. ye.i.v. kantselyarii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
33. Sokolov, AV 2021, 'Pavel Tul'skiy – «raskol'nik» sredi raskol'nikov: k voprosu o vozniknovenii tul'skogo staroobryadcheskogo soglasiya' (Pavel Tul'sky – "schismatic" among the schismatics: on the question of the emergence of the Tula Old Believers' Accord), *IKBFU's Vestnik. The humanities and social science*, no. 4, pp. 28–38. (In Russ.)
34. Sokolov, AV & Demidov, AV 2022, 'O sotsial'nom znachenii staroobryadcheskikh nekropoley na primere Bunyrevskogo Fedoseyevskogo kladbishcha v Aleksinskom uyezde' (On the social significance of Old Believers' necropolises on the example of the Bunyrevsky Fedoseyevsky cemetery in Aleksinsky district), *Humanitarian Scientific Bulletin*, no. 1, pp. 9-15. (In Russ.)
35. Chubaryan, AO (ed.) 2014, *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskyy slovar'* (Theory and methodology of historical science. Terminology dictionary), Akvilon publ, Moscow. (In Russ.)

36. Filippova, SV 2009, 'Kladbishche kak simvolicheskoye prostranstvo sotsial'noy stratifikatsii' (Cemetery as a symbolic space of social stratification), *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 4, pp. 80–96. (In Russ.)
37. Khartulari, DF 1903, *Obzor meropriyatiy Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god.* (Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881), Dep. obshchikh del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
38. Khramevich, KI 1899, 'Rogozhskoye kladbishche' (Rogozhskoye Cemetery), *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary), vol. 82, pp. 892–893, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.04.2023
Одобрена после рецензирования: 29.05.2023
Принята к публикации: 25.07.2023

The article was submitted: 03.04.2023
Approved after reviewing: 29.05.2023
Accepted for publication: 25.07.2023